the SANDMAN book of dreams

Stories Based on the World Fantasy Award-Winning Bestseller

Edited by

Neil Gaiman and Ed Kramer

Дом Застывших Часов
Кларк Сюзанна

Аннотация
Сюзанна Кларк. Дом Застывших Часов

Аннотация

Перевод рассказа Сюзанны Кларк «Stopp't-Clock Yard» из антологии Нила Геймана и Эдварда Крамера «The Sandman: Book of Dreams» (1996). Действие рассказа происходит во вселенной серии графических романов Нила Геймана «The Sandman. Песочный человек».

Сюзанна Кларк
Дом Застывших Часов

В кофейне дона Сальтеро на Данверс-Стрит сидели за кофе мистер Ньюболт и его сын.

— Мы так давно не виделись, Ричард! Как тебе жилось все эти годы?

Ричард вздохнул.

— Отец, я утонул еще в Датскую войну. Я был мертв эти пятнадцать лет.

Мистеру Ньюболту бросилось в глаза, каким холодным и бледным было лицо его сына, насколько холодными и бледными были его руки.

— Ну как же, сын. Я уже вспомнил. Все равно рад тебя видеть. Не пройдешься ли со мной до дома? Здесь менее пяти минут ходьбы, и дождь тебе кабыть не помеха.

— Ах, отец, — воскликнул Ричард, — я не могу пойти домой. Я никогда не смогу прийти домой. Разве вы не видите? Это все сон. Только лишь сон.

Мистер Ньюболт окинул взглядом кофейню дона Сальтеро: вокруг пили кофе и вели беседы самые необычные люди.

— Ну как же, сын, вижу.

Мистер Ньюболт проснулся в леденящей темноте и вспомнил, что умирает. Сорок лет он был самым известным и уважаемым звездочетом во всей Англии. Он выпустил сотни астрономиче-

ских альманахов, заработал горы денег и уже давным-давно прочитал по звездам, что должен умереть в этом году и на этом месте. Он лежал в опрятной, душистой постели в верхних комнатах на Фрайдей-Стрит, где его проведывали старые лондонские друзья. «Сэр, как нынче ваше здоровье?», — справлялись они. В ответ мистер Ньюболт сетовал бы на холод в макушке и жар в печенках или, для разнообразия, наоборот. А они бы ему описывали, как в небесах, над недостроенным собором Святого Павла, собирались лучезарные небесные светила, чтобы отдать ему — их старому другу и поверенному — последние почести.

Одним из друзей, которые его тогда навестили, был очень известный еврей Венецианский и Амстердамский, самый выдающийся маг своего народа (люда, во многих делах находчивого). Его звали Трисмегист. Он не слыхал, что мистер Ньюболт при смерти и хотел просить его помощи в одном астрологическом или магическом деле громадной важности. Узнав, что опоздал, он стал причитать и колотить себя по лбу.

— Ах, — говорил он взволнованно, — я всю жизнь пренебрегал помощью ближнего своего. Я ходил в суете. И вот мне воздалось по праву.

Мистер Ньюболт взглянул на него.

— Ну что за околесица, Исаак. Зачем уж вы так библейски. Давайте выпьем мушкателю и живо придумаем, кто сможет вам помочь.

Так они и поступили. Но поскольку во всем лондонском Сити не было ни звездочетов, ни магов, которые бы иной раз не насмехались над ними и не называли бы одного мошенником, а другого — жидом-фигляром, и поскольку память на оскорбления у них обоих была отменной (хоть и подводила их во многом другом), скоро все варианты были отвергнуты.

— Парамур, — сказал мистер Ньюболт. — Он самый находчивый среди них.

— Парамур? Кто такой этот Парамур?

— Что ж, — начал мистер Ньюболт, — если честно, хорошего о нем сказать нечего, по крайней мере я ни о чем таком не слышал. Он лжец, прелюбодей, игрок и пьяница. Слывет атеистом, но мне он как-то признался, что некоторые сцены в Писании показались ему на столько оскорбительными и он так сильно разозлился на Господа, что богохульствовал, лишь бы ему досадить.

— Он не подходит, — отрезал Трисмегист.

— Ха! В каждом приходе в Сити найдутся женщины, которые считали, что Джон Парамур им

не подходит. Они вскоре поняли свою ошибку. И я тоже. Ведь когда он пришел ко мне впервые, я поклялся, что не возьму его в ученики, а теперь, видите ли, я научил его всему, что знаю. А еще я обещал не давать ему в долг. Но все равно, мил мне этот негодяй. И не спрашивайте, почему. Сам не знаю. Справьтесь о Парамуре в доме на Ганпаудер-Элли, что возле Шу-Лейн, — он там задолжал за восемь недель аренды крохотной мансарды, размером с кладовую. Его вы там вряд ли застанете, но, может, лакей скажет, где он.

— У него есть лакей? — удивился Трисмегист.

— Безусловно. Ведь он джентльмен.

Итак, весь этот день и весь день следующий, Исаак Трисмегист провел в разъездах по улицам Сити, без устали выспрашивая, где найти Джона Парамура, но от всего, что он узнал, толку было мало — одно расстройство. В Сити ему прояснили, что Джону Парамуру сейчас совсем не до хлопот со старым еврейским джентльменом. В Сити пронюхали о некой вдове из Клеркенуэлла, с землями, домами и бог весть какими еще богатствами, и в Сити прослышали о том, что у этой леди — молодой, добродетельной и прекрасной — недавно умер от золотухи маленький сын, прелестное дитя, и в Сити провидели в Джоне

Парамуре воплощение Мефистофеля, который, с насмешливым видом и лукавой улыбкой, сидел в полумраке за ее креслом и что-то нашептывал ей на ушко, и в Сити прознали о том, что она предпочитала искать утешения у него, а не у честных людей.

Исаак Трисмегист жил в мрачном старинном особняке на Кричерч-Лейн. Подобно ему, дом тоже выглядел чуть-чуть нездешним. Подобно ему, дом, не уповая на гостеприимство Сити, запрятался в глубине пыльного двора, среди теней и опавших листьев, в надежде, что его забудут. Но в одном они отличались: еврей не носил на лбу огромные не идущие часы, вечно показывающие время по давно угасшему полудни.

На третий день после визита к мистеру Ньюболту, Трисмегисту в дверь постучал некто высокого роста, худощавого телосложения и невзрачной наружности (ну совсем из себя никакой). Назвался он Джоном Парамуром и сообщил, что пришел изучать магию.

— Зачем? — с подозрением спросил Трисмегист, — чтобы соблазнять женщин?

Высокий, худощавый, невзрачный гость (что совсем из себя был никакой) усмехнулся, и с этой длинной тонкой изогнутой улыбкой его лицо

тотчас преобразилось. Он выглядел, как и полагается одному из отъявленных негодяев Сити, а в его проницательном живом взгляде читалась дьявольская находчивость.

— Нет, сэр, — ответил он не без скромности, но и с неким самодовольством, — Этой магией я и так владею. Надеюсь, сэр, вам не доводилось слышать обо мне плохое? Лондон — грешный город, стоит только пустить по Сити сплетню о честном человеке, как его доброе имя уже грязнее шнурков на ботинках потаскухи.

В доме массивная лестница взмывала серпантином вверх, в темноту, а холодный ветер тянулся по спирали вниз. Бросив на нее взгляд, Парамур поежился и заметил, что было очень тихо.

— Ба! — воскликнул он вдруг, — да вы же больны, сэр!

— Я? Нет.

— Ну конечно больны. Вы же бледны как мел, а ваши глаза ... Ведь у вас жар!

— Нет у меня жара. Это от недосыпания. — Трисмегист не решался продолжить. — Я скоро умру, если мне не удастся поспать. Но я боюсь уснуть. Я боюсь того, что мне может присниться.

— Ну же, сэр, — сказал Парамур с теплотой в голосе, — если вы скажете, как — я вам охотно

помогу.

Итак, Трисмегист провел Парамура в комнату и обучил его двум заклинаниям. Одно позволяло заглядывать в чужие сны, а для чего второе он не сказал. Трисмегист велел следить за всем, что будет ему сниться, и, завидев опасность, разбудить его.

Трисмегист лег на кровать, а Парамур, словно его Пак, сел со скрещенными ногами на полу. Он произнес заклинание и начал всматриваться в маленький, отполированный хрустальный шар.

Трисмегисту снилось, что он в Венецианском Гетто, в убогом пыльном дворе, где шестеро его друзей — старых евреев, сидели в мертвой тишине на ветхих деревянных стульях и каждого по очереди охватывало пламя. Никто из них не пытался спастись, и все сгорели дотла. Пока старый маг смотрел, как пламя и дым растворяются в темнеющем небосводе, он заметил, что на одной из звезд начертан рецепт сливового пирога, как раз того, который он искал во сне. И чтобы получше разглядеть написанное, он пошел за лестницей. Но смог найти лишь необъятно толстую женщину с усами из паучьих лап, провонявшихся сыром и помоями, которая выудила из-под юбок ржавые ножницы, вертела и пинцет.

Уж это Парамуру показалось чересчур жутким, и он разбудил старика. Чем Трисмегист оказался весьма недоволен, сказав, что вовсе не от таких снов просил его будить. Он велел Парамуру выждать появления высокого черного замка, как будто из воздуха, который охраняли дракон, грифон и гиппогриф, а также высокого мертвенно-бледного и одетого в черное человека, похожего на короля, с сияющими, как звезды, глазами. Вот чего он боялся сильней всего на свете. Трисмегист снова лег спать, и до самого утра не видел ни замок, ни ужасного бледного как мертвец короля.

На следующий день Парамур навестил мистера Ньюболта.

— Дом у еврея сильно заброшен, сэр, — сказал Парамур. — Он говорит, что не держит слуг.

— Вздор! У всех есть слуги. Даже у тебя, Джон, есть тот вылощенный лакей.

— Это правда, но я уже некоторое время подумываю, не лучше ли избавиться от Франсиско. Дать ему расчет. Мне стыдно с ним где-то показываться. Он одет стократ лучше, чем я. И всегда был в тысячу раз лучшим вором.

Но мысли мистера Ньюболта до сих пор были заняты его старым другом.

— Кабыть, это утратив дочь, он стал так нелюдим и печален. Она убежала из дома и вышла замуж за христианина — высокого и дерзкого малого с глазами негодяя и без гроша за душой — тебе под стать, Джон. Исаак узнал, где они скрывались и, тайком навестив ее, умолял вернуться домой. Но она из гордости не захотела, при том, что уже понимала, каков из себя ее муженек. Он был такой жестокий! Другим женщинам он раздавал ее серьги, платья, подсвечники и ложки. Однажды ночью он вернулся после своих похождений и приказал ей подняться с кровати. «Зачем? — спросила она, — куда мы едем?». Но он велел ей молчать. С оставшимися пожитками они забрались в карету и пустились в путь. Но он всю дорогу оглядывался, а вдалеке было слышно приближение всадников. Он остановился, вытащил ее из кареты, выпряг коня и, подняв ее на круп, поскакал дальше. Но продолжал оглядываться и вскоре снова послышались звуки погони. Они достигли черной реки, слишком быстрой и глубокой, чтобы перейти ее вброд, и он лихорадочно соображал, куда идти дальше. Она умоляла его рассказать, что он натворил. Но он велел ей молчать, а в отдалении снова раздался топот. «Коль ты не хочешь ехать, — сказал он,

— так нечего меня задерживать». И с этими словами столкнул ее в быстрый, черный поток и она утонула. Волосы у нее были крайне редкого, как для людей ее племени, цвета чистого золота. Она и солнце могла бы посрамить — так говорил Исаак. Но в то же время я считал кабыть ни с чем не сравнимой улыбку моего дорогого Ричарда, хотя многие находили ее ничем не выдающейся. Разве можно верить убитым горем старикам? Ах, да, златокудрая еврейка из дома застывших часов, я очень хорошо ее помню. У нее была маленькая дочь — но я забыл, что с нею стало.

Парамур почесал свой длинный нос и нахмурился.

— Но откуда вам это известно, сэр?

— Что именно?

— Как вы знаете, что сказала еврейка перед смертью своему мужу?

— А?

Бедный мистер Ньюболт засмущался и помрачнел, как все старые люди, когда их подводила ясность ума.

— Исаак рассказал мне. Ба! Что же так сверкает на твоем пальце, Джон? Неужели та вдова подарила тебе новехонькое золотое кольцо?

— Это я нашел у еврея в саду — зацепилось за

розовый куст.

— Ты бы сказал ему, Джон. Может, он потерял такое сокровище.

Но мистер Ньюболт уже ослаб глазами. То было не кольцо, а два-три золотистых волоса, которые Парамур нашел так же, как описал, и обвил вокруг своего длинного пальца.

Ее возраст не поддавался определению. В иных обстоятельствах (абсолютно иных обстоятельствах) она бы даже показалась ему красивой. В ее великолепных темных глазах и в округлости щек угадывалось испанское или какое-то сродни цыганскому происхождение, но ее кожа была слишком бледной. На ней было строгое черное платье с рядом мелких пуговок от горловины до подола. На длинной серебряной цепочке у нее на шее висели оправленные серебром очки. В руках она держала по листочку бумаги. Она посмотрела на листок в правой руке, но он ее не устроил. Она посмотрела на листок в левой руке, и осталась им довольна. Нацепив на нос очки, она зачитала: «Его Сонливость Мрачный Принц, Снов и Кошмаров Повелитель, Монарх Всех Дремлющих Земель, Король Всех Спящих Королей». Она остановилась и смерила сидевшего на высоком черном троне таким взглядом поверх очков,

словно его изумленное мрачное величество ее ничуть не волновало.

— Ну так это вы?

Сидевший на высоком черном троне признался, что являет собой все названные ужасы, и не слишком охотно спросил, кто, собственно, она такая.

— Доктор Эстрелла Сильверхофф, из Рая. Рая Детей Израилевых, конечно. Ординарный Секретарь Палаты Видений, Сновидений, Привидений и Несанкционированных Явлений.

И в подтверждение она предъявила множество древнеязычных писем и документов, каллиграфически составленных на тончайшем пергаменте и перетянутых красными шелковыми лентами.

— Я вам писала, — продолжила она, — 30-го сентября. Затем 4-го октября. А также 11-го октября. Ответа я не получила. Поэтому была вынуждена явиться лично. Я прибыла шесть дней назад. Шесть дней я дожидалась аудиенции. Поначалу, прибыв в замок, я не думала вас беспокоить. Я хотела говорить с вашими протоколистами, секретарями, приставами, магистратами, клерками или со слугами, занимающими любую подобную должность. Но мне сообщили, что вы таких не держите. И при этом...

— У меня есть библиотекарь. Обратитесь к нему. Хорошего дня.

— ... при этом ваши слуги пытались избавиться от меня с помощью полоумного библиотекаря — ворона по кличке Джессами, и бестолкового мямли — белого кролика по прозвищу, — тут она обратилась к листочку бумаги в правой руке, — Рутвен Роскоу. Я здесь по вопросу Хроник.

— Хроник?

Она представила ему очень толстую книгу в бледно-коричневом переплете из нежнейшей кожи с тесненной золотом надписью на корешке: «Хроники Возвращений за 29-е сентября 1682 R.C.F.». В ней содержалось примерно семь миллионов имен, записанных ужасно мелкими буквами, с какими-то совершенно невразумительными пометками напротив каждого из них.

— Это данные, — объяснила она, — о тех райских жителях — усопших праведниках, которые в ночь 29-го сентября покинули Рай, чтобы навестить во снах живых. Я тут выделила нужное место и подчеркнула имя субъекта зеленым. Дело в том, что Дебора Трисмегист 29-го сентября ушла из Рая в Забытье и не вернулась назад. Цель моего визита была проста: сверить наши Хроники с вашими и установить, в чьи сны явилась эта де-

вушка. Но мне сообщили, что в этом королевстве нигде подобные данные не фиксируют.

— Доктор Сильверхофф, в стране Забытья Деборы Трисмегист нет.

Она сдержанно улыбнулась.

— Я так и думала. Иначе, как вы понимаете, тот, кому она снится, спал бы уже тридцать третий день.

Повисла тишина и через время раздался его голос.

— Я займусь этим.

В спальне Исаака Трисмегиста Джон Парамур, зевая во весь рот, безучастно разглядывал хрустальный шар.

— Вот интересно, — думал он вслух, — кто это такой разгуливает по дому на цыпочках?

Через некоторое время он глянул на большое скопление причудливых теней в пыльном углу и заметил: — А кто, интересно, вон там, за гардиной? С двумя крошечными лапками и десятью махонькими пальчиками?

Переведя ненадолго взгляд на хрустальный шар, он продолжил рассуждать: — И кто это, интересно, стоит прямо передо мной и подглядывает сквозь крохотные пальчики?

Он посмотрел на нее и сказал: — Здравствуй,

котенок. Ну и большие же глаза у тебя.

— Дедушка... — начала было она.

— Дедушка сейчас спит, солнышко. И ему снится, как он гуляет по Пэрис-Гарденс. Но кто это шагает рядом с ним, кого это он все подхватывает на руки, кто это дергает его за бороду, кому это он шлет так много нежных улыбок и поцелуев?

Он усадил девочку на колени, чтоб она получше рассмотрела себя в хрустальном шаре.

— До чего же холодные ручки. Какие холодные ножки. И что это вообще такое на тебе? — бормотал он под нос.

К ее рукам были накрепко примотаны кожаными ремешками два маленьких черных футлярчика. В одном была полоска бумаги с надписью ВЕЩИ, КОТОРЫЕ МОЖНО ЧТОБЫ СНИЛИСЬ ЛИЛИ. И далее шел длинный список, где первыми значились «Хлеб с Вареньем, Джем с Печеньем, Засахаренные Хрустяшки и Похожие Вкусняшки, Хорошая Собачка, Мятная...» В другом футлярчике был еще один длинный список, озаглавленный «ВЕЩИ, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ЧТОБЫ СНИЛИСЬ ЛИЛИ». В нем перечислялись: «Наш враг — король Морфей, любой из его слуг, любой из его друзей, кучи скелетов и старых костей...»

Он заключил, что она жила в тех таинственных

комнатах наверху, раз не попадалась ему раньше на глаза. Дождавшись, пока она заснет, он взял ее на руки и понес по холодной темной лестнице.

За день ветер нанес в дом кучу опавших листьев, которые теперь для развлечения он перекатывал вверх-вниз по ступенькам, наигрывая диковинную мелодию.

— Коль в доме нету слуг, — он бормотал в задумчивости, — кто опекается тобою? Заботится, чтоб волосы твои были как шелк, чтоб от тебя пахло яблоками и лавандой?

Он поднялся на пару ступенек.

— Лестницы в домах подобны кишечнику — ни дать, ни взять — как мне это раньше в голову не приходило — а этот дом мучается вздутием живота как ни один из тех, где я бывал. На месте доктора, я прописал бы ему ветрогонное. Не умрет — так выживет.

Перед последним витком лестницы он помедлил и еле слышно пробормотал:

— Эх ты, Парамур, твои речи бессмысленны и бессвязны. Ну чего, скажи на милость, тебе бояться?

На верхней ступеньке стояла покойная еврейка, ее золотые локоны серебрились в свете Луны. Легкое дуновение ветра завихрило сухие листья

у ее ног. Другим маленьким порывом всколыхнуло крошечные, как слезинки, жемчужины в ее серьгах, но сама она не шелохнулась.

— Право же, мадам, вы должны меня простить, но от всех этих ступеней у меня перехватило дыхание. Я — Парамур, еще один известный маг. А вы, мадам, если простому смертному позволено спросить, вы — Привидение или Видение?

Она вздохнула.

— Неужели мужчины до сих пор такие глупцы? Привидение я или видение? Господи! И какой только дурак мог это спросить? Кто я? Я — ее мать.

Она забрала Лили из рук Парамура и исчезла в темноте за дверями.

Миссис Бофор (та вдова, к судьбе которой в Сити питали глубочайший интерес) жила в Клеркенуэлле на Джерусалем-Песседж — улице, давно облюбованной музыкантами. Когда она меряла шагами свои огромные богато обставленные комнаты, с грузом пустоты на руках вместо ее маленького мальчика, или, когда разглядывала в зеркалах облик бездетной леди, — повсюду ее сопровождала медленная печальная мелодия, которую исполнял на виоле да гамба немецкий джентльмен из дома 24, или меланхолические

звуки шотландского клавесина из дома 21.

Поздно вечером следующего дня слуга миссис Бофор сообщил, что внизу ожидает мистер Парамур и желает видеть ее немедленно.

Когда Парамур вошел, миссис Бофор, оставив свою вышивку, подняла на него глаза и нахмурила брови.

— Вы пьянствовали, — сказала она.

— Я? Нет!

— Тогда распутничали.

— Ну уж нет! — вспыхнул он негодованием.

— Значит, предавались другим утехам — вид у вас уж очень буйный.

— Это потому, что я счастлив.

Она закончила подшивать край ткани, после чего холодно и завистливо произнесла:

— Что ж... Я рада за вас.

— Но я счастливый тем, что способен сделать для вас. Скажите, что вам снится ночью?

Она посмотрела на него крайне холодно и потом отдернула свою руку (которую он до этого держал).

— Ах, вот моя кара! — всхлипнула она. — Сотни, сотни предостережений я выслушала в этой самой комнате! Но мои уши, — и она поднесла к ним руки, словно грозя провинившимся рас-

правой, — им не внимали! А что, если я паду так низко и отдамся вам, сэр? Затем вы сложите обо всем поэму? На Сноу-Хилл к столбу ее прибьете в забаву прохожим дуракам?

Парамур всплеснул руками, меча вокруг возмущенные взгляды.

— Я имел ввиду не это!

— Да ну? И как же понимать ваши беседы о том, что вы способны сделать для меня ночью?

Он скрестил руки на груди.

— В ваших глазах — слезы, и вы их заслужили, раз думаете обо мне так плохо, когда в моих силах сделать вас такой счастливой. Только доверьтесь мне и сами в этом убедитесь.

Она всхлипывала, но при этом улыбалась.

— Это еще не значит... — начала она.

— Тсс. Скажите мне, что вам снится.

— Мой маленький мальчик. Мой сыночек.

— Вот и хорошо, тогда я исцелю вас от всех печалей. Ибо Морфей — праздный король, поглупевший и одряхлевший за долгие годы безмятежности. Стены его ветхие и осыпаются. Врата его без стражи. Слуги его не бдительны.

На следующий день миссис Бофор видели на прогулке на Сент-Джеймс-Филдс, а рядом с ней — маленького мальчика с такой чудной копной

кудряшек и завитков на голове, как будто их выводил золотыми и серебряными чернилами весьма дорогостоящий краснописец.

Библиотекарь (который был занят тем, что протирал очки клочком шерсти) стал преображаться. Все началось с кончиков его примечательных ушей, осыпавшихся мелкими песчинками. Если это превращение его и беспокоило, он не подавал ни малейшего вида.

Тронный зал, став песком, рассыпался с мелодичным шуршанием. Летавший там ворон рассеялся песочными крупинками на полувзмахе крыльев. Весь мир забытья превращался в песок. И наконец, от него осталась лишь горсть песчинок на белой ладони короля Снов. Тогда король Снов взял весы, предназначенные для таких случаев, взвесил песок и обнаружил, что пять песчинок исчезло, как он и подозревал.

— Сколько их? — спросил Парамур.

— Пять, — ответил Трисмегист, — они пристали к подолу платья моей дочери, когда я уводил ее из страны Забытья, и, как видишь, Джон, я храню их в очень надежном месте — кто знает, какой силой эти пять песчинок могут обладать... Теперь запомни, Джон — это крайне важно — случись нам

с тобой заснуть одновременно, Морфей сможет проникнуть в наши сны, отыскать мою Дебору и того английского мальчика и забрать их назад. Я буду произносить заклинания и смотреть за твоими снами, пока ты спишь, а когда засну я — стеречь будешь ты.

— Быть может, королю Снов будет угодно договориться с нами, сэр? Разве он не знает английских магов? Наши собратья по магии имели с ним дело. Я слышал о средствах навеивания человеку определенного сна.

— Он не тот король, с которым стоит договариваться, — отказал Трисмегист, — он — король, которого нужно выследить, ввести в заблуждение, обдурить и обокрасть — а затем бояться. И ты, и я — мы оба его выслеживали, ввели в заблуждение, обдурили и обокрали, а теперь вынуждены каждый день или ночь на некоторое время подвергаться риску в его королевстве, где он может расправится с нами, как пожелает. Поэтому я буду смотреть за твоими снами, пока ты спишь, а когда засну я — стеречь будешь ты.

За последующие недели Исаак Трисмегист и Джон Парамур вывели многих умерших людей из снов, через разрушенные стены страны Забытья, в явь. Они вернули детей родителям, родителей

— детям, жен — мужьям, мужей — женам, влюбленных — друг другу. Какие-то джентльмены из Сити, застраховавшие корабль, что потонул у Барбадоса (из-за чего они понесли большие убытки), заплатили Парамуру пять фунтов за возвращение капитана в живые, чтобы они хотя бы отвели душу его поношением.

Впервые в жизни Парамур начал зарабатывать, но говорил, что для него важны не деньги. Важным было то, что молодые люди не должны умирать. Наверняка, говорил он, в Раю достаточно святых для исполнения гимнов, и в Аду хватает грешников для поддержания сильного пламени в кострах на целую вечность. Он сказал, что ходит молва, будто бы Смерть — это леди. Необычное поведение, как для леди! Так необдуманно бросаться прибирать к рукам все, что приглянется! Пришло время научить ее хорошим манерам, говорил Джон Парамур.

На Петтикот-Лейн, что в Уайтчейпле, жила тогда некая Джесс Кэттл, девочка семи лет от роду, с карими глазами и самой бесстыдной улыбкой... Она проколола палец старым садовничьим ножом (который она вообще никогда не должна была трогать), из-за чего появился нарыв, загноивший весь палец. Хирург велел им привя-

зать Джесс Кэттл к стулу шнурками и лентами ее передника и отрубил ей палец при помощи молота и зубила. Но такой Испуг с Потрясением оказались ей не под силу, и с тем ударом хирурга ее голова лишилась рассудка, язык ее стал нем, ее волосы выпали, а кожа стала цвета трехдневного молока. Но тетушка Джесс, Энн Симкоттс, отправилась в дом застывших часов, спрашивая всех встречных, где найти Джона Парамура, колдуна, и когда его отыскала, смело поднялась прямо к нему с мольбой о помощи. Джон Парамур сказал, что хоть она и походила на чурбан с глазами, на самом деле была смелой и находчивой. Джон Парамур отправил тетушку ко сну и прямиком в страну Забытья, где она нашла рассудок Джесс Кэттл и всю ее миловидность, а также ее палец и унесла их, смеючись, из страны Забытья, прямо из-под носа у короля Снов. По крайней мере, так говорят. А Джесс Кэттл вновь стала счастливой прежней собой.

Мистеру Ньюболту вверили на хранение жемчуга герцогини Кливлендской (которая их необычайно любила), и выполняя эту волю он принес их на большое капустное поле, где думал спрятать. Но нить порвалась, жемчуг рассыпался по листьям капусты и застрял в них. Мисте-

ру Ньюболту было хорошо известно это поле. Семьдесят лет назад, когда мистер Ньюболт был ребенком, оно простиралось за коттеджем его отца в Лестершире. И вот, пока он стоял в недоумении, испуганно смотря по сторонам, крупный черный ворон сел на капусту и что-то в ней клюнул. Мистер Ньюболт закричал, замахал руками и спугнул ворона. Но отлетев не так далеко, он закружился над внезапно появившимся высоким бледным человеком.

— О, сэр! — воскликнул мистер Ньюболт. — Помогите мне, заклинаю! Я не знаю, в какой капусте искать.

— Вильям Ньюболт, — сказал высокий бледный человек, — тебе снится сон.

— Мне это известно, — ответил мистер Ньюболт. — Что с того?

И он продолжил обреченно разглядывать капусту.

— Вильям Ньюболт, узнал ли ты меня? — спросил высокий бледный человек.

Тогда мистер Ньюболт поднял глаза и увидел холодное белое Лестерширское небо и холодное белое сияние лица этого человека. И одно так походило на другое, что мистер Ньюболт начал рассуждать, не могут ли они, в сущности, являть

собой единое целое. А черные зимние деревья, обозначавшие границы поля, и черные тени под ними были так похожи на черные волосы и одежду человека, точно были скроены из одной материи.

— Да, узнал, — ответил мистер Ньюболт. — Вы — тот худощавый красавец — Господи! Забыл имя-то его! — краснописец, который убил кошку олдермена и тем же вечером сбежал с его дочерью. Сэр, не вы ли тот Лизандр, чьей красоте посвятила поэму миссис Бен?

Высокий человек вздохнул и провел длинной бледной рукой по длинным черным волосам.

— Хотя краснописец мертв, конечно же, — сказал мистер Ньюболт задумчиво. — Его повесили. Не помню, за что. Но вряд ли это нынче играет какую-то роль. Говорят, Морфей праздный король. Стены его ветхие и осыпаются. Врата его без стражи. Слуги его не бдительны.

Вдруг, аккурат на мистера Ньюболта, резко обрушился короткий ледяной дождь с градом. Мистер Ньюболт в замешательстве огляделся кругом. Высокий человек, похоже, пылал таким гневом, что будь мистер Ньюболт при своем уме, он бы сильно испугался. (Мистер Ньюболт имел некоторое представление о гневе благород-

ных правителей, ведь прежде ему доводилось говорить с тремя — Карлом, первым и вторым, носящим это имя, и Оливером Кромвелем). Но мистер Ньюболт как раз был без ума. Его ум спал в кровати на Фрайдей-Стрит, так что мистер Ньюболт лишь слабо улыбнулся высокой величественной особе.

— Что ты сказал? — спросил высокий человек.

— Ну, нет, — начал мистер Ньюболт, выжимая из одежды струйку ледяной воды в маленькую хрустальную чашу, которую только что обнаружил при себе, — Это сказал не я. Вы не расслышали, сэр. Другие так говорят.

— Где так говорят?

— В городе. Обычно об этом рассказывают в городе.

— Кто это рассказывает?

— Все. Но большей частью — тот шельмец, Джон Парамур.

Высокий человек скрестил руки на груди, и откуда ни возьмись налетел мощный ветер, затрепетали деревья, словно негодование высокого человека всему миру внушило страх. Мистер Ньюболт приблизился к высокому человеку и потянул его за длинную черную мантию.

— Но, сэр! Не поможете ли вы искать жемчуга

герцогини? Она страшно разозлится.

— О да, — удовлетворенно произнес высокий человек, — так и будет.

И он степенно зашагал прочь.

Вместо него появилось сто жирных свиней, которые съели всю капусту и проглотили весь жемчуг. Затем пришли сто мужчин и перерезали свиньям глотки, и наполнили их кровью сто сосудов, а потом все сосуды унесли, чтобы приготовить кровяные пудинги. В этот момент кто-то явился, чтобы поторопить мистера Ньюболта — его вызывала герцогиня. Он прибыл, когда Ее Светлость ужинала с ее приближенными. На фарфоровых тарелках был сервирован кровяной пудинг. Герцогиня не проронила ни слова. А только смотрела на мистера Ньюболта и, подняв руку, в которой держала серебряную вилку, трижды погрозила ему. На вилке, между зубцов блестела от крови крупная белая жемчужина.

— Я все объясню, — сказал мистер Ньюболт.

В Уайтхолльском дворце короля был устроен великолепный театр масок, где Аполлон, Марс, Минерва, Иудейский Царь Соломон и несчетное множество других великих и знатных персонажей в золотых мантиях и гриме, словно звезды, солнца и луны, выходили на сцену держать хва-

лебные речи в честь Карла II и преклониться перед ним. Высокий, худой актер по имени мистер Персиваль (который без костюма напоминал перевернутую швабру, только что получившую ошеломительное известие) был нанят на роль Морфея. Перед самым представлением к нему подошли два щеголя с маленькой кружкой и заговорили о том, как от этих речей пересыхает в горле, и не хочет ли он выпить пива. Не заподозрив неладного, он поблагодарил любезных джентльменов и выпил.

Оказалось, это слабительный эль.

В последствии, когда бедный мистер Персиваль поднялся на сцену произносить свою речь (о том, как долго Морфей грезил о короле, подобном Карлу, и что теперь он являет свои сонные благословения всему человечеству), никто не мог расслышать его слов за шумом его пердежа.

Это рассмешило короля и его двор, как ни что другое. Но громче всех смеялись те, кто слыхал о Джоне Парамуре, о том, что он сделал и кого он при этом обдурил.

В ту же ночь король Англии видел сон.

Ему снилось, что он ездил с государственными визитами к другим монархам и попал в огромный, почти как парк Хампстед-Хит, тронный зал,

в котором высокий бледный король, восседая на черном троне, жаловался на поведение некоего англичанина, который недавно странствовал по его королевству.

Бледный король был разъярен им до крайности. Он сказал, что поссорился из-за него со своей сестрой, и без конца предъявлял королю Англии документы, письма и Хроники, полученные им от, как он их называл, «Верховной Власти» и в которых его обвиняли в халатности из-за деяний англичанина.

Король Англии просмотрел документы, но сочтя заумными, отложил, чтобы их изучил герцог Бекингем и изложил ему суть.

— Я вовсе не удивлен тому, что рассказывает Ваше Величество, — воскликнул король Англии. — Еще ни один бедный правитель не был обременен столь неуправляемыми подданными, как мои, а в особенности жителями Лондона. Много лет они раздирали мое королевство кровавыми гражданскими войнами, свирепыми восстаниями и бесстыдным правлением Оливера Кромвеля, а когда их республиканские настроения утихли, они мне написали, моля простить им казнь моего отца и призывая вновь стать их королем... (Высокий бледный король, казалось, вот-вот

заговорит, поэтому король Англии торопливо продолжил). — Главная тому причина — сырой островной климат. Холод и дождь опустошают нутро и усыпляют мозг, сперва вызывая меланхолию, затем безумие и, в конце концов, полную неподвластность. Умопомешательство, как всем известно, — чисто английская болезнь. Но у меня есть колонии, знаете ли, и довольно много, по Вест-Индии и Америке. Надеюсь, что со временем туда переберутся все философы, проповедники и безумные негодяи, оставив меня с одними лишь добропорядочными и верными подданными. А есть ли колонии у Вашего Величества?

Высокий бледный король сказал, что нет.

— Тогда Вашему Величеству необходимо добыть парочку. Тот час же.

Король Англии наклонился и похлопал бледного короля по руке, за что был удостоен едва заметной, крайне холодной улыбки.

Бледный король поинтересовался, трудно ли заставить мятежных подданных отправиться туда.

— Вовсе нет, — ответил король Англии, — они уезжают добровольно. В этом вся прелесть колоний.

Королю Англии стало немного жаль этого печального, бледного короля. Он казался таким

молодым, таким одиноким в его огромном, тихом, залитом звездным светом дворце, без единого министра, чтобы дать совет и без любовниц, чтобы утешить. И кроме того, подумал король Англии, когда взял бокал вина с маленького серебряного подноса и взглянул на того, кто его принес — у него такие странные слуги...

Парамур заметил, что за прошедшую неделю к нему приходили девятеро посетителей.

— Каждый из них сообщал, что видел во сне мое повешение. Ну право же! Этот король роется в снах то одного, то другого, но ему не за что зацепиться.

Трисмегист сказал что-то в ответ, но Парамуру далось именно в тот день учить иврит (язык магических книг Трисмегиста) и как раз тогда ему было не до разговоров со стариком.

Чуть позже Трисмегист заговорил опять, но Парамур по-прежнему не слушал. Когда через два часа Парамур поднял глаза, Трисмегиста в комнате уже не было, но лежали опрокинутыми (что было странно) два стула. Парамур отправился искать старика и нашел его лежащим на кровати с закрытыми глазами.

— Мистер Трисмегист! Ах, сэр, вы не должны были отходить ко сну без меня! Я ваш дозорный,

сэр. Констебль на страже порядка ваших снов. И что же у нас тут?

Парамур произнес заклинание и посмотрел в хрустальный шар. Перед Трисмегистом были две черные двери, каждая шириной в целый мир и высотой аж до небес. Над ними и за ними не было ничего, кроме зловещего ветра, глухой ночи, и холодных звезд. Эти двери (огромные на столько, что даже не вообразить) начали открываться... С резким воплем Парамур отбросил хрустальный шар, и тот покатился прочь, пока не замер в пыли у разбитого шестипенсового зеркала.

— Доброе утро, Ваше Величество! — воскликнула доктор Сильверхофф, так бойко шагая к высокому черному трону, что ее оправленные серебром очки приплясывали на серебряной цепочке. — Говорят, у вас наконец появились для меня новости. Долго вы мешкали.

— Еврейский маг мертв, доктор Сильверхофф. Он умер прошлой ночью во сне.

Повисло короткое молчание, во время которого Повелитель Снов и Кошмаров принял спокойный, невозмутимый и полный величия вид, а доктор Сильверхофф выглядела просто озадаченно.

— И что, это все? — спросила она.

Повелитель Снов и Кошмаров посмотрел на

нее с высоты своего величия в прямом, и в переносном смысле.

— Этот лжемаг, Парамур, вскоре будет вынужден уснуть, и тогда ...

— Но Ваше Величество! Допустим, он не уснет!

— Я и близко такого не допускаю, доктор Сильверхофф! Этот лжемаг всю жизнь потворствовал своим желаниям.

— Ваше Величество, но, а пока...

— А пока, доктор Сильверхофф, — усмехнулся Повелитель Снов и Кошмаров, — мы будем ждать.

Спустя три дня мать мистера Ньюболта омывала влажной теплой салфеткой маленькие ручки своему трехлетнему сыну. В Линкольншире было лето, и мистер Ньюболт стоял посреди тенистой и прохладной маминой кухни. За раскаленным на солнце порогом, он видел цветы, травы и жужжащих пчел, нагоняющих сон.

Горничная мистера Ньюболта мыла скрюченные ноги своему восьмидесяти восьми летнему господину. Мистер Ньюболт лежал на кровати в тихой, освещенной свечами комнате на Фрайдей-Стрит. Горничная выпрямилась, одной рукой держась за ноющую спину. В другой у нее была влажная теплая салфетка.

Мистер Ньюболт смутно догадывался, что одно из купаний происходит в стране Забытья, а другое — в мире яви, но где какое он не ведал и не чаял.

Мистеру Ньюболту снилось, что его пришел повидать некто с вытянутым, нервным лицом и долго говорил о деле большой важности.

— ...и как мне теперь быть, сэр?

— С чем, Джон? — спросил мистер Ньюболт.

— С королем Морфеем, — ответил Парамур.

Мистер Ньюболт надолго погрузился в размышления, а затем сказал:

— Ты разгневал его, Джон.

— Да, знаю. Но что мне делать?

— Пожалуй, — начал мистер Ньюболт, — ничего уже с ним не поделаешь. Он говорит о нарушенных правилах, воровстве и оскорблениях (мне слышно его во сне, Джон). Кабыть не уйти тебе от его преследований ни на краю света, ни под землей...

Они сидели некоторое время безмолвно, а затем мистер Ньюболт заботливо сказал:

-Джон, ты немного бледноват. Тебе нездоровится. Позволь, Мэри приготовит тебе поссет.

Парамур как-то неестественно рассмеялся.

— Нет, нет, я вполне здоров.

После этого мистер Ньюболт, казалось, опять

погрузился в сон (конечно, если бы кто-то прежде мог подтвердить, что он вообще просыпался), но когда Парамур был уже в дверях, мистер Ньюболт поднялся и сказал:

— Если бы он только был похож на свою сестру — все было бы иначе! Ибо такой милой и кроткой леди нигде не сыскать! Я слышу ее шаги, когда она идет по свету. Я слышу шурх-шурх-шурх ее шелкового платья и позвякивание серебряной цепочки у нее на шее. Ее улыбка полна утешения, а ее глаза — добры и радостны. Как же мне не терпится ее увидеть!

— Кого, сэр? — озадаченно спросил Парамур.

— Ну как же! Сестру его, Джон. Его сестру.

Снаружи на Фрайдей-Стрит шел холодный мелкий дождь. Парамур поднял глаза и увидел идущего навстречу обтрепанного деревенского верзилу в надвинутой на глаза интересной шляпе, которую он очевидно смастерил себе из старых газет. Верзила, должно быть, его толкнул, потому что Парамур (который всю неделю не спал), неожиданно утратив равновесие, схватился за стену. Всего лишь на мгновение он к ней приник головой, но тут же заметил в кладке крохотные золотые песчинки.

Фруктовый сад был обнесен стеной из розово-красного кирпича. Некогда стены были увиты розами, но теперь стояла зима и от них остались лишь тернии. Там была трава, и там было много яблонь. Но теперь трава и яблони были зимние. Лучи зимнего солнца и голубые тени в замысловатом узоре сплетались на черном одеянии бледного короля. Его руки, полностью в черном, были скрещены на груди. Носок его черного сапога выстукивал по земле. Он вскинул голову и посмотрел на Джона Парамура.

Парамур резко проснулся. Очень медленно он побрел назад в дом застывших часов. В таком дождливом сумраке Лондон казался приснившимся городом, а его обитатели привидениями. Этим вечером Парамуру донесли, что Ральф Клеррихью (свечник из Ислингтона, которого Исаак вернул из забытья четыре недели назад) исчез с лица земли.

На следующий день (который пришелся на среду) в три часа пополудни Парамур спускался по лестнице в доме застывших часов. Один шаг — смертельная усталость. Второй шаг — смертельная усталость. На третьем шагу он наступил на ветхую доску, и лестница содрогнулась, осыпав паутину и грязь. Парамур поднял глаза и

вовсе не был удивлен, увидев падающие ему в лицо крохотные золотые песчинки.

Следующий шаг — и бесплодный фруктовый сад, а в нем — усмехающийся бледный король.

В это мгновенье Лорд Морфей выкрал обратно прачку из Мортлейка — мать четырех крох. В четверг, в то время, как у Парамура дважды опускались веки, лорд Морфей забрал назад матроса-негра и известную проститутку по имени миссис Афра Пичли; в пятницу — ребенка и кукольника-альбиноса из Вапинга; а в субботу — перчаточника и его жену. В воскресенье Парамур уснул на целых четверть часа, но лорд Морфей не забрал никого. Парамур гадал, уж не в шутку ли это Морфей — корчил из себя великое божество, отдыхая на седьмой день. Но ни в одной из книг Исаака не было ни малейшего упоминания о том, что Морфей умеет шутить.

До следующей субботы во всех кофейнях и тавернах Лондона соревновались за описание самого чудовищного способа помешать Парамуру заснуть. Но будь хоть все рассказанное правдой — без толку, ведь к следующей субботе Морфей забрал назад всех выходцев с того света, кроме двоих.

В доме застывших часов покойная еврейка за-

глянула в чулан, где хранились книги и снадобья ее отца, и нашла Парамура, ссутулившегося на полу и клюющего носом над раскрытой книгой.

— Вставайте, Парамур! — крикнула она

Парамур медленно поднялся на ноги.

— Таким усталым я еще никого не видела — сказала она.

— Ох... я вовсе не устал. Это все дом. Он такой мрачный. Это нагоняет сон.

— Так уйдемте отсюда сейчас же и отправимтесь хоть куда! Согласны?

— Ох... — начал было Парамур, но почему-то не мог вспомнить, что хотел сказать.

— Парамур!

Она взяла его лицо в ладони.

— Я родилась в Венецианском Гетто, куда все любопытные приходили посмотреть на евреев. Там я видела благородных испанских леди, таких смуглых, нежных и пылающих, как закат. Парамур, вы бы хотели увидеть леди, цвета испанского сада в летний вечер?

Парамур едва заметно улыбнулся своей прежней лукавой улыбкой.

— Я предпочитаю женщин, цвета английских садов в зимний полдень. Такая вот меланхолическая английская странность.

Покойная еврейка рассмеялась и заговорила о странностях англичан...

Фруктовый сад был обнесен стеной из розово-красного кирпича. На бесплодных деревьях расселось великое множество птиц самых обыкновенных видов: дрозды, дерябы, малиновки, зяблики и корольки. Но что-то их спугнуло, и они все разом улетели. Бледный король поднял голову и усмехнулся...

— Парамур!

Она ударила его ладонью по щеке, и он резко проснулся. Она прислонила его к стене, чтобы крепче удерживать.

— В находчивости вы ему ни капли не уступаете. Как думаете его побороть? Как?

Тень улыбки промелькнула в глазах Парамура.

— Я прикажу всей королевской армии лечь спать...— начал он.

— Отлично! — перебила она. — Мы поместим всех на Солсберийской равнине, даже коней! Что потом?

— Потом, в заколдованном сне, английская армия двинется маршем на замок Морфея и свергнет его с престола.

— Да! — вскликнула она. — Парамур, мне жаль, что мы вынуждены расстаться так скоро.

— Как знать, — сказал Парамур и достал с полки большую синюю банку. Он пересыпал из нее чуть-чуть белого снадобья в маленький кожаный мешочек и засунул его за пазуху.

Той ночью шел дождь и смывал грехи Лондона. Улицы были полны воды, а когда дождь прекратился, вода оказалась исполнена звездами. Звезды висели над Сити и звезды зависли внизу, а окутанный ими Лондон повис между. Джон Парамур — в прошлом звездочет и повеса, мнимый поэт и маг, а ныне безумец — появился высоко среди звезд, на крыше домов Блу-Болл-Корт, где смеялся, пел и вызывал Морфея на поединок. Он был сильно пьян.

Обитатели домов на Шу-Лейн и Ганпаудер-Элли выбрались из своих кроватей и вышли на улицу, движимые добрососедскими намерениями лицезреть, как Джон Парамур свернет себе шею, и в последствии пересказывать увиденное его родне. Несколько наблюдателей заметили прятавшегося за дверью подозрительного, худого человека с вытянутым бледным лицом, и приняв его за лорда Морфея, начали выдирать ему волосы, бить по ногам и оскорблять, не стесняясь в выражениях, пока не выяснилось, что это был никакой не Морфей, а торговец сыром из Абердина.

Позже Парамур пошел бродить по темным улицам Сити, от Холборна до селения Майл-Энд и обратно, спотыкаясь о подмости всех недостроенных церквей Сити, пробираясь через балки, тени и блоки портлендского камня, которые дожидались в Чипсайде, пока сэр Кристофер Рен превратит их в собор Святого Павла. Он мог бы вам рассказать — конечно, будь у вас охота знать такое — сколько ресниц у Морфея и описать в мельчайших подробностях едва заметную родинку в форме полумесяца на его щеке, дюймом ниже левого глаза. Парамур больше не думал ни о ком, кроме лорда Морфея, и мысли о нем уже до треска переполняли его голову.

К утру в Лондоне похолодало. Небо затянуло облаками, похожими на рваные простыни и разлезшиеся тюфяки, и начал падать мягкий снег. В целом мире не было ни души.

Здания из красного кирпича и галереи запорошило снегом. Высокие статуи глядели на Парамура с чем-то похожим на жалость, половодная Темза бесшумно протекала между стен из серебристо-серого каррарского мрамора.

— Каррарский мрамор? — пробормотал от удивления Парамур. — Господи, что это за город?

— А ты разве не узнаешь? — прозвучал голос.

— Что ж, сэр, должно быть это Лондон, но я ничего не понимаю. Ведь вчера он точно не был таким светлым и прекрасным. Столько восхитительных зданий! Столько изящных каналов, в каждом из которых отображается бледно-розовый рассвет! И как все геометрически точно!

— Это Лондон, который спроектировал сэр Кристофер Рен после того, как старый город сгорел в Великом пожаре пятнадцать лет назад, но король отказался его строить. Я взял чертежи сэра Криса и возвел его город здесь.

— Пожалуй, сэр, ему об этом лучше не говорить, иначе он потребует вознаграждения. Право, сэр, даже у этих вечно выхваляющихся итальянцев нет ничего прекрасней.

— Город цвета английских садов в зимний полдень, — вдумчиво молвил голос.

— А как в этом городе принимают магов, сэр? — спросил Джон Парамур. — Я просто интересуюсь, ведь ныне предпочитаю избегать шумного общества.

— В самом деле? И почему же? — спросил голос.

— Ах, сэр, — вздохнул Парамур, — порой случается, что маленький человек, такой как я, имеет несчастье оскорбить благородного правителя,

не ведая чем и как. Но с тех пор у него ничто не ладится и жизнь пошла наперекос.

На мгновение запала тишина.

Затем голос проговорил, с особой горечью: — Ибо Морфей — праздный король, поглупевший и одряхлевший за долгие годы безмятежности. Стены его ветхие и осыпаются. Врата его без стражи. Слуги его не бдительны.

Парамур поднял глаза и увидел дверь, увенчанную двумя роскошными, но мрачными статуями, изображающими Зиму и Осень. А между ними сидел король Снов: его весь в черном локоть опирался о мраморную голову Осени, его черный сапог праздно покоился на мраморной груди Зимы, а его длинные черные волосы развевались на ветру.

— Ха! — воскликнул Парамур. — Какое счастливое совпадение. Недавно прокатился тревожный слух о том, что Ваша Светлость изволили сердиться на меня, но я всегда жаждал доброго расположения Вашей Светлости, поэтому пришел загладить вину.

— Парамур, — сказал лорд Морфей, — есть ли предел твоей дерзости?

А затем он продолжил: — Я рад, что тебе нравится мой Лондон. Я намерен оставить тебя здесь

надолго.

По пустым улицам гуляли и завывали прохладные ветры (или приснившиеся ветры). И все же улицы были не совсем пусты. Ветер носил приснившиеся голоса и приснившийся печальный звон колоколов, и что-то на вид как призрачные скопления развевающихся суетливых лохмотьев.

— Что это? — спросил Парамур.

— Старые сны. Уставшие сны. Горькие, злые сны, — ответил лорд Морфей.

— Ты узнаешь их получше.

— Ваша Светлость слишком добры, — пробормотал Парамур, размышляя, по-видимому, о чем-то другом. — Эх, — вздохнул он, — если бы только Ваша Светлость были женщиной, я мог бы убедить вас сжалиться надо мной.

— Верно, Парамур, — сказал Морфей. — Годами ты существовал за счет доброты женщин. Но здесь нет ни одной, с которой бы удались твои хитрости.

По улице (которая одновременно и походила на Чипсайд и нет) шла покойная еврейка. Она передвигалась медленно, потому что ей предстояло пройти долгий путь и пересечь всю ширь страны Забытья, прежде чем достичь границы с Раем. На

руках она несла христианского мальчика, сына вдовы, Орландо Бофора. Он не спал (потому что мертвые не спят), но уткнулся лицом ей в шею, и золотистые кудри их волос перемешались.

Лорд Морфей поднял черную бровь и ухмыльнулся, как будто говоря Парамуру: она не в силах тебе помочь, она и себе-то помочь не может.

Дебора Трисмегист остановилась у двери, где восседал лорд Морфей.

— Вижу, вы укрепили стены, сэр, — сказала она Морфею.

— Внешность королей всегда разочаровывает. В действительности они оказываются намного ниже, чем их рисует воображение, — сказала она Парамуру.

Но Парамур ничего не сказал в ответ.

В мире яви снег падает прямо на землю или его уносит ветром, согласно правил и порядков мира яви. В стране Забытья снег падает и вновь обращается в Морфея, сливаясь с его белой кожей, согласно правил и порядков этого мира. Лицо Морфея блестело от снега. Он рассеял снег, чтобы лучше видеть Парамура, в котором ему почудилась какая-то перемена: как будто его душа рассыпалась на песчинки и через мгновенье приняла необычный новый вид.

Совершенно внезапно появилась леди. Она пришла со стороны Фрайдей-Стрит, где только что навещала мистера Ньюболта. Она проворно шагала по снегу. На ней было черное шелковое платье, а на серебряной цепочке на шее висело нечто диковинное. Ее улыбка была полна утешения, а ее глаза — добры и радостны. Точь-в-точь, как описывал мистер Ньюболт.

Имя этой леди — Смерть.

Происходящее далее, будучи диалогом бессмертных существ, возможно передать лишь образно. Для простоты назовем это спором Морфея и его сестры Смерти, скажем, из-за притязаний на душу Джона Парамура. Допустим, что спор затянулся на некоторое время, но леди (которая была намного старше и находчивее своего брата, и располагала достаточными доказательствами того, что Парамур только что умер от яда в переулке на Блэкфрайерс) не внимала бесчисленным жалобам своего брата, и Морфей был вынужден уступить.

Смерть с Джоном Парамуром и покойная еврейка с покойным христианским ребенком ушли прочь. Джон Парамур тут же начал торговаться и просить у Смерти разрешения следовать за покойной еврейкой в ее особый Рай («...ведь я

часто поражался, мадам, на сколько по-иудейски я чувствую себя в душе...»), и Морфей слышал, как его сестра (чрезвычайно сочувственная и великодушная леди) уже смеялась глупостям Парамура.

Среди слуг и подданных лорда Морфея шептались о том, что их повелитель был недоволен, но кто из них мог сказать наверняка? Сны, блуждавшие той ночью по Лондону, пытались разглядеть, сердился ли Морфей, но исчезли так ничего и не узнав, ибо в его глазах видна лишь черная ночь и холодные звезды.